

Дискурс о выборах в России 2024 г. в государствах Центральной и Восточной Европы в контексте конструирования национальной идентичности

Варвара Александровна Гацковская, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Дмитрий Михайлович Курбатов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: vgatskovskaya@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу политического дискурса (включая экспертный и медиадискурс) постсоциалистических республик Центральной и Восточной Европы вокруг выборов президента Российской Федерации в 2024 году. Дискурс об электоральных процессах в России рассматривается авторами как один из инструментов конструирования европейской идентичности на основе разделения «друг – враг». Цель исследования состоит в том, чтобы выявить влияние российских внутривнутриполитических процессов на самоидентификацию государств «новой» Европы в сравнении с Россией как значимым «Другим», по отношению к которому выстраивается их идентичность. Дискурс о выборах в России представляется иллюстрацией такой идентификации, особенно – в отрыве от «социалистического прошлого».

Последнее, в свою очередь, связано с отделением себя от России и трансформацией образа «чужого» в образ «врага». По результатам дискурсивного и сравнительного анализа авторы делают вывод: противопоставление «демократизма» Европы и «авторитаризма» России используется государствами Центральной и Восточной Европы не только для конструирования образа противника, но и для утверждения собственной идентичности в качестве европейской. При этом внешнеполитические проблемы не играют определяющей роли, и если они и артикулируются, то отдельно от отношений с государствами Европы или Европейским союзом в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идентичность, политический дискурс, отношения России и ЕС, электоральные процессы в России, проблемы демократии

Введение

В постсоциалистический период эволюция политики идентичности государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ): Польши, Словакии, Венгрии и Чехии – представляет собой комплексный исследовательский вопрос. Значимость изучения данного субрегиона заключается в попытке определения истоков актуального политико-идеологического и аксиологического кризиса не только между Россией и центральноевропейскими государствами, но и шире – между Россией и НАТО. Первоначально вопросы идентичности государств ЦВЕ связаны с так называемым демократическим переходом после «бархатных революций» конца 1980-х – начала 1990-х годов. Во многом они были обусловлены встраиванием ключевых демократических и либеральных идей в национальные идентичности при смене режима от авторитарного к демократическому и экономического строя – от планового к рыночному. Тем не менее формирование идентичности государств ЦВЕ, как и любой идентичности, зависело как от внутренних факторов (например, от состояния коллективной памяти), так и от сравнения себя с «Другими».

Для коллективной памяти государств ЦВЕ вопросы истории интеграции и ее основы в виде наследия Второй мировой войны стали вторичными, в то время как особое значение приобрело именно ощущение принадлежности к Европе как к некоторой цивилизационной и географической общности. Так, измерение идентичности оказалось не столько временным, когда «Другим» считается общеевропейское прошлое и его преодоление, сколько территориальным и заключенным именно в географическом концепте Европы¹. В свою очередь, в коллективной памяти также отражалась не общая основа для новой идентичности, а противопоставление старой социалистической, авторитарной версии и новой – якобы демократической и свободной. При этом и в случае коллективной памяти как основы для построения идентичности ключевой стала ассоциация общего прошлого с «Другим».

Именно Россия оказалась единственным восточным «Другим» и в контексте современного восприятия национальной идентичности. Это было обусловлено как географической близостью – Россия непосредственно граничила с большинством государств Центральной и Восточной Европы, так и сложной историей взаимоотношений, включающей конфликты как с Российской империей, что наиболее актуально для Польши, так и с СССР, что касается всех государств региона. Польша, Литва, Латвия и Эстония даже до вступления в ЕС в 2004 г. занимали достаточно сильные антироссийские позиции и заметно влияли на восприятие России в ЕС в целом². Например, именно Польша, а затем Литва наложили вето на переговоры по новому базовому соглашению ЕС и России в 2007 году³.

В большей степени это проявилось на фоне резкого роста напряженности в отношениях России и ЕС после вхождения Крыма в состав России и обострившегося кризиса российско-европейских отношений после начала Специальной

1 Joenniemi 2007.

2 Raik 2016.

3 Maria Staszkiwicz, "New EU-Russia Framework Agreement and the Polish Veto," AMO – Asociace pro mezinárodní otázky, January 19, 2007, accessed June 10, 2025, <https://www.amo.cz/new-eu-russia-framework-agreement-and-the-polish-veto/>.

военной операции (СВО) в 2022 году. Так, образ России как «значимого Другого», на основе которого конструировалась идентичность европейских и, прежде всего, центральноевропейских государств, стал восприниматься преимущественно в контексте дихотомии «друг – враг». В особенности такой подход получил распространение в государствах ЕС ввиду возникшей секьюритизации общественно-политического дискурса.

То, как отношения с Россией воспринимались во внутривнутриполитическом измерении, зачастую находило основание именно в подчеркивании «европейскости» и ценностно-нормативных различий между Россией и Европой (к которой де-факто приравнивается ЕС), что в целом характерно для поведения ЕС как актора в международных отношениях. Под принадлежностью к Европе понимается в данном случае стремление к восприятию и соотнесению себя с европейской идентичностью. В этом отношении под европейской идентичностью подразумевалось самоотождествление с Европой как географическим обществом (что отражается, например, в подходе самих институтов ЕС на примере опросов *Eurobarometer*¹) и с общеевропейской историей – прежде всего с историей интеграции. В данном случае европейская идентичность рассматривается как коллективная идентичность Европы, однако, если учесть ее фрагментарный характер, возможна также ее интерпретация как суммы нескольких идентичностей европейских государств.

При рассмотрении государств ЦВЕ, ставших членами Европейского союза после распада СССР, необходимо также заметить, что после 1989 г. идея европейской идентичности приобрела в том числе мобилизационный характер². Лозунг «Назад в Европу» стал одним из наиболее распространенных в государствах бывшего социалистического лагеря. Более того, как отмечают некоторые исследователи евроинтеграции, эти государства в той или иной степени настаивали, что они являются бóльшими выразителями европейской идеи³. Как на рубеже XX–XXI вв., так и сегодня ценности общеевропейской идентичности в общественно-политическом дискурсе зачастую связываются именно с демократией, правами и свободами человека, что применяется как к внешним акторам, так и к будущим членам ЕС. В частности, этот подход применялся и к самим государствам ЦВЕ в рамках политики расширения ЕС⁴.

Сравнение с «Другим» используется в ЦВЕ прежде всего для укрепления идентичности среди собственного населения. Это обусловлено тем, что основным адресатом (объектом) дискурса и в то же время его субъектом является именно гражданское население, а не только политические или экономические элиты. При этом основная артикуляция дискурса о «Другом» также происходит и на национальных языках. Она осуществляется не только в контексте напряженности на внешнеполитическом треке, включая отношения с Россией (как, например, в случае украинского кризиса), но и в контексте исключительно внутренних процессов в России: вопросов государственно-политического режима,

1 Duchesne, Fognier 1998.

2 Stråth 2002, 388.

3 Wintle 2000, 18–19.

4 Sedelmeier 2003; Börzel 2011.

демократии и электоральных процессов, в том числе после ухудшения отношений с Западом в 2022 году. При этом сама ценностная ориентация и «идейный репертуар» Европы как социального мифа (свобода, демократия, верховенство права и прав человека), из которого исходят постсоциалистические республики, во внутренней политике государств региона зачастую не соблюдаются. Это выражается во внутривнутриполитических кризисах, подъеме популизма и даже конфликтах с ЕС по вопросам прав человека, свободы слова и разделения властей в Польше и Венгрии, частично – в Чехии¹ и Словакии.

Таким образом, складывается противоречивая ситуация, когда необразцовые с точки зрения либерально-демократических ценностей государства наиболее ярко критикуют, как заявляется, уязвимости российской демократии. При этом подобные дискурсивные практики ориентированы не на внешнюю политику, а на внутреннюю аудиторию. Иными словами, дискурс о России служит прежде всего конструированию собственной политической реальности и сравнению себя с «Другим» как одной из основ национальной идентичности.

Цель данного исследования – выявить влияние российских внутривнутриполитических процессов на самоидентификацию постсоциалистических государств Европы в сравнении с Россией в рамках дихотомии «друг – враг». В ходе исследования выдвигается следующая гипотеза: противостояние с Россией с акцентом на приписываемый ей авторитаризм является для государств ЦВЕ одним из основных инструментов конструирования собственной национальной идентичности и используется ими для солидаризации с европейской идентичностью в региональном контексте политики памяти. Это отражается даже применительно к проблемам, прямо не касающимся внешней политики этих государств и их отношений с Россией, как, например, российские электоральные процессы. При этом более дружественные отношения между Россией и отдельными государствами региона не приводят к отсутствию антиавторитарного дискурса и сравнения России с демократическими ценностями и нормами государств ЦВЕ.

Теоретико-методологическое новшество исследования представляет опора на подход Эссекской школы к анализу дискурса². Выбор данного подхода обусловлен тем, что конструирование идентичности государств Центральной и Восточной Европы представляется в качестве одного из путей укрепления их активности в европейской подсистеме международных отношений. Понимание политики в таких рамках способствует конструированию альтернативной политической идентичности, исследование которой также может быть осуществлено с опорой на данный подход³. Дискурс-анализ, основанный на разработках Э. Лакло и Ш. Муффа, используется для выявления ключевых особенностей структуры дискурсов о российских электоральных процессах в СМИ региона. В ходе анализа выявляются цепочки эквивалентности, артикулирующие ключевые узловые точки (как основной структурный элемент дискурса, определяющий смысловое значение цепочки артикуляции) с другими аспектами дискурса (то есть знаками, имеющими условное, фиксирующееся в рамках конкретного дискурса значение).

1 Особенно при правительстве А. Бабиша в 2017–2021 годах.

2 Laclau, Mouffe 2001.

3 Laclau 1994.

Нодальные точки, в свою очередь, приобретают свое значение в антагонизме к «Другому». На основе их выявления анализируются мифы, артикулируемые в дискурсе. Мифы, в свою очередь, выполняют роль идеологических элементов, представляющих идеальный социальный порядок (например, демократию или Европу¹), служащий конструированию социальной идентичности. В статье также используется сравнительный метод: в рамках заданной методологии рассматриваются четыре государства ЦВЕ, и на основе сравнения выделяются общие и особенные черты дискурса идентичности. Источниковая база исследования включает официальные заявления европейских политиков, экспертные комментарии, аналитические материалы исследовательских центров соответствующих государств, а также материалы СМИ.

Постсоциалистические государства: особый подход к «европейскости»

В значительной степени продвижение государствами ЦВЕ альтернативной версии политики идентичности обусловлено их особым подходом к истории и политике памяти. В период создания ЕС исторической основой идентичности являлась общая память о Второй мировой войне и холокосте, связанная с признанием вины Европы в этих трагедиях. Для государств Центральной и Восточной Европы восприятие этого периода в контексте ощущения собственной вины, напротив, нехарактерно. Так, общей основой специфического восприятия своей идентичности – в том числе европейской – является представление себя в виде жертвы и даже некоторое соревнование в степени жертвенности с другими этническими и религиозными группами, например евреями, преступления против которых в политическом дискурсе представляются вторичными². В качестве причины такой виктимизации рассматривается не только Германия, историческая политика которой до сих пор подразумевает признание вины и недопустимости забвения этого периода, но и СССР, что также сопряжено с процессами декоммунизации в государствах региона³.

Рассматривая в более широком контексте вопрос места и роли политики памяти в конструировании общеевропейской идентичности на примере Второй мировой войны, следует заметить, что именно после 1945 г. европейские государства столкнулись с необходимостью переосмысления общего прошлого, что создало основу для формирования общеевропейской идентичности. Однако данный процесс до настоящего времени сопровождается конфликтами интерпретаций, конкуренцией нарративов, а также политическими манипуляциями. Так, первоначально после 1945 г. в Западной Европе доминировал нарратив, согласно которому мировая война была борьбой демократии против тоталитаризма, а ключевыми героями выступали державы-победительницы: Великобритания, США, СССР – и движение Сопротивления. Этот подход лег в основу послевоенной интеграции. В соответствии с ним подчеркивалась необходимость

1 Laclau, Mouffe 2001; Laclau 1990.

2 Barton Hronešová 2024.

3 Гетман 2020.

предотвращения новых войн через сотрудничество¹. Однако в историографии государств ЦВЕ второй половины XX – начала XXI вв. тема памяти о войне была связана преимущественно с советской интерпретацией и идеологией коммунизма. После распада СССР эти нарративы, в особенности в государствах Балтии и Восточной Европы, стали рассматриваться не только как победа над нацизмом, но и как «начало новой оккупации»².

В современной Европе память о Второй мировой войне остается ареной идеологической борьбы. Так, например, резолюция Европарламента 2019 г. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» фактически уравнивала нацизм и сталинизм³, что вызвало критику со стороны России и ряда европейских активистов⁴. Однако именно акцент на собственных жертвах и сопротивлении советскому влиянию, проявившийся изначально в Польше и балтийских республиках⁵, сегодня распространяется во всем Европейском союзе. Так, после расширения ЕС и углубления кризиса в отношениях России и Западных государствам ЦВЕ удалось, по мнению А.И. Миллера, разработать концепцию «двух тоталитаризмов»: уравнивать социалистический режим с нацистским и возложить на СССР равную с Германией ответственность за начало Второй мировой, а затем холодной войны⁶.

Исходя из описанного восприятия социалистического периода как периода несвободы и авторитаризма, один из указанных дискурсов, направленных на конструирование новой идентичности, был связан с важностью артикулирования постсоциалистическими республиками своей приверженности демократическим ценностям. Публичный акцент на борьбе с авторитарным наследием социализма рассматривался государствами ЦВЕ в качестве необходимого шага при демократическом транзите и возвращении европейской идентичности.

Для государств ЦВЕ также характерно представление о том, что центрально-европейская политика идентичности, понимаемая в терминах не только национальной, но и общей западной или как минимум европейской идентичности, является единственно верной. Соответствующее понимание усилилось в связи с ростом популизма и «правым поворотом» в Европе в 2010-х гг.: представители правых партий Венгрии, Польши зачастую предлагали христианское прочтение европейской идеи. Примечательно, что схожее позиционирование себя в качестве истинной Европы в противовес искаженному варианту, созданному ЕС, было частью внешней политики и самой России, продвигавшей концепцию европейской безопасности от Лиссабона до Владивостока⁷.

В контексте демократии и электоральных процессов противопоставление себя якобы авторитарной России для дополнительного подчеркивания своей

1 Judt 2005.

2 Snyder 2010.

3 "European Parliament Resolution of 19 September 2019 on the Importance of European Remembrance for the Future of Europe," European Parliament, September 19, 2019, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/vNewA>.

4 О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2025 г.) // МИД РФ. 29 августа 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/doklady/1827824/ (дата обращения: 17.09.2025); "A Bad Message from the European Parliament," Transform, September 24, 2019, accessed June 17, 2025, <https://shorturl.at/xEGtF>.

5 Assmann 2015.

6 Миллер 2016.

7 Ильин 2015.

принадлежности к западному либерально-демократическому лагерю и европейской политической культуре стало для государств ЦВЕ одним из ключевых элементов дискурса. В рамках данного исследования предполагается, что использование российской повестки не столько служит выстраиванию отношений с Россией или позиционированию ее в качестве противника на европейском и международном уровне, сколько отвечает внутривнутриполитическим задачам по конструированию национальной идентичности в рассматриваемом субрегионе.

Восприятие российских электоральных процессов 2024 г. в государствах Центральной и Восточной Европы

В настоящий момент для государств ЦВЕ европеизация собственной идентичности в процессе ее конструирования перестала быть актуальной. После вступления в ЕС в начале XXI в. они не раз демонстрировали свою приверженность Европе как социальному конструкту и, следовательно, европейской идее и связанным с ней ценностям: демократии, либерализму, свободе. Это стремление особенно выражается в дискурсивных практиках как одной из форм политики идентичности – как при конструировании национальной идентичности, так и в контексте «включенности» в общеевропейскую идентичность с собственной спецификой. При этом на практическом политическом уровне во внутренней политике рассматриваемых государств проблемы демократии, прав человека и другие темы либеральной повестки отошли на второй план, как и сама необходимость подчеркнутого следования демократическим ценностям. Более того, в условиях подъема правого популизма и нахождения у власти правых и правоцентристских партий практически во всех рассматриваемых государствах наблюдался так называемый обратный демократический переход.

В наибольшей степени это проявилось в Венгрии и Польше. Оценивая политику В. Орбана в первом случае и партии «Право и справедливость» во втором, некоторые исследователи даже говорили о возвращении гибридных политических режимов, сочетающих демократические и недемократические элементы¹. В меньшей степени популизм и авторитарные тенденции проявились в Чехии и Словакии, которые, несмотря на угрозы со стороны правых популистов, смогли сохранить демократический режим благодаря системе сдержек и противовесов². Отдельным вызовом для демократии стал коронакризис, когда недемократические тенденции могли проявляться на фоне ограничений и обретения органами исполнительной власти дополнительных полномочий – по крайней мере, в ЦВЕ³.

Тем не менее именно проблемы демократии и прав человека представляли один из ключевых сюжетов в региональном дискурсе о России в последние годы. Изучение публичных общественно-политических дискуссий о президентских выборах в России 2024 г. позволяет утверждать, что электоральный процесс освещался в контексте критики российского политического режима. Дискурс о российских выборах и политике в целом значительно пересекался с дискурсом

1 Györy, Weinberg 2020.

2 Guasti 2020a, 57.

3 Guasti 2020b.

об СВО на Украине. Однако его нельзя охарактеризовать в качестве собственно внешнеполитического, поскольку субъектами и объектами взаимодействия выступали внутривнутриполитические акторы и население соответственно. Кроме того, каналы тиражирования дискурса также были преимущественно внутренними: прежде всего ими являлись национальные СМИ.

Ключевым признаком в интерпретации российских выборов со стороны президентов и глав правительств государств ЦВЕ стало отсутствие поздравлений в адрес В.В. Путина. Единственным исключением в масштабах не только ЦВЕ, но и ЕС стал премьер-министр Венгрии В. Орбан. Вместе с тем министерства иностранных дел сделали официальные заявления с осуждением выборов. Это практически единственный пример артикуляции дискурса о России на международном уровне. Таким образом, в рамках внешнеполитического дискурса официально было продемонстрировано осуждение и негативное отношение к электоральному процессу в России.

В материалах СМИ и комментариях экспертов государств ЦВЕ ключевая идея о якобы недемократичном характере выборов даже усиливается и превращается в тезис об их неподлинности. Так, слово «выборы» нередко употреблялось в кавычках или сопровождалось выражением «так называемые»¹.

В дискурсивном поле центрально- и восточноевропейских государств также артикулируются элементы, касающиеся конкретных нарушений в ходе электорального процесса. Прежде всего это было характерно для тех государств, которые в последние годы являются для России недружественными: Польши и Чехии. При этом даже в Венгрии и Словакии, где у власти находятся более прагматичные политики, в медийном и экспертном дискурсе также наблюдалась критика России по данным вопросам.

Если обратиться к отдельным случаям артикуляции этих элементов и специфике их положения в структуре дискурса, то можно сделать ряд выводов. Во-первых, «ненастоящая оппозиция» является самостоятельным узловым элементом дискурса, связывающим другие дискурсивные моменты (критику допущенных кандидатов) с нелегитимным характером выборов. Во-вторых, «недопуск альтернативных кандидатов» также приобретает внешнеполитическое измерение, хотя фактически этот вопрос относится к сфере внутренней политики России.

В восприятии некоторых восточноевропейских аналитиков ключевой узловой точкой дискурса стала смерть А.А. Навального^{2*}. В данном случае также можно наблюдать увязывание дискурса о российской внутренней политике с международной повесткой. При освещении смерти А.А. Навального* выборы не всегда становились элементом медиадискурса. Важно отметить, что именно в связи с данным аспектом в дискурсе часто наблюдалась интертекстуальность,

1 Paweł Gawlik, and Marta Urzędowska, "Rosja: Rozpoczęły się 'wybory' Putina na kolejną kadencję (Russia: Putin's 'Elections' for Another Term Have Begun)," March 15, 2024, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/9eOSv>.

2 "Rusové v Praze vyrazili k prezidentským volbám. Někteří zničili hlasovací lístky (Russians in Prague Went to the Presidential Elections. Some Destroyed Ballots)," iDNES, March 15, 2024, accessed June 19, 2025, <https://shorturl.at/MXfqB>.

* включен в Перечень физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

когда исследователи обращались к более старым текстам – к общеевропейскому дискурсу, сформированному в связи со смертью политика.

Кроме того, самостоятельным элементом центрально- и восточноевропейского медиадискурса стали акции российской оппозиции за рубежом. Встречалось и цитирование российских оппозиционных источников популярными чешскими и словацкими новостными порталами¹. Аналогичные обращения к внешним источникам и интертекстуальность дискурса также характерны для Венгрии, чьи власти традиционно занимают более конструктивную позицию в отношении России². Другим ключевым пунктом дискурса, вместе с которым артикулировались узловые точки о нелегитимности выборов, стала тема «авторитарного режима» в России. Именно этот дискурсивный элемент фактически сыграл главную роль в формировании образа России как «Другого» и противопоставлении, как это видят в ЦВЕ, недемократической России демократическим государствам региона.

Отдельной темой дискурса государств Центральной и Восточной Европы при объяснении популярности президента среди россиян стало послание В.В. Путина Федеральному собранию. Так, в работах экспертов факультета политологии и безопасности Университета Николая Коперника в Торуня (Польша) понятие «популярность» употребляется вместе с другими элементами дискурса: верой россиян в обещания о социальной и экономической политике (например – в связи с поддержкой образования и газификацией)³. При этом артикулируется открытый авторитаризм внешнеполитического измерения дискурса – это делается через указание на содержащиеся в послании «противоречивые сигналы» об СВО, демократии и Западе. Дополнительным элементом схожего дискурса является консолидация власти, существующая только в высказываниях о жесткой внешнеполитической линии России⁴.

Тем не менее представляется, что постоянное упоминание авторитарного характера российского режима служит прежде всего внутривнутриполитическим целям и встраивается во внутренний дискурс государств Центральной и Восточной Европы. Кроме того, этот дискурс не может способствовать какой-либо коммуникации с Россией в политическом, а не языковом пространстве (нелегитимность выборов, с одной стороны, прямо декларируется, а с другой – отрицается за счет признания популярности В.В. Путина среди россиян), поскольку дискурс государств ЦВЕ выстраивается вокруг непринимаемых и отрицаемых Россией явлений. Критический по отношению к России дискурс и тиражирование сконструированных мифов о подавлении оппозиции, фальсификациях и нарушении

- 1 "Vítězství Putina i to, kolik procent získá, je v režii Kremlu, myslí si odborníci (Putin's Victory and the Percentage He Will Win Are All Controlled by the Kremlin, Experts Believe)," March 16, 2024, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/0I75Z>; "V Rusku začínají prezidentské volby. Putin se zbavil všech protikandidátů (Presidential Elections Are Starting in Russia. Putin Has Eliminated All Opposition Candidates)," Echo24, March 16, 2024, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/TusD6>; "Očekávaně, v ruské politice se nic nemění, reagoval Pavel na Putina (Expected, Nothing is Changing in Russian Politics, Pavel Responded to Putin)," iDNES, March 18, 2024, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/t9c6U>.
- 2 "Akár 31 millió szavazatot is elcsalhattak Putyin javára (Up to 31 Million Votes Could Be Swindled in Favor of Putin)," Maszol.ro, March 22, 2024, accessed June 15, 2025, <https://maszol.ro/kulfold/Akar-31-millio-szavazatot-is-elcsalhattak-Putyin-javara>.
- 3 Agnieszka Bryc, "Najdziwzsze orędzie Putina. Co 'wujek Wołodia' mówił, co przemilczał i czy Rosjanie mu uwierza (Putin's Longest Address: What 'Uncle Volodya' Said, What He Left Unsaid, and Will Russians Believe Him?)," Polityka, February 29, 2024, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/bjL3i>.
- 4 "V Rusku odstartovaly prezidentské volby, Putinovi zajistí dalších šest let u moci (Presidential Elections Have Begun in Russia, Securing Putin Another Six Years in Power)," iDnes, March 15, 2024, accessed June 11, 2025, <https://shorturl.at/dzo1h>.

международного права нельзя назвать бесцельными, хотя вербально задачи подобного дискурса не выражаются.

Вне зависимости от восприятия упомянутых мифов в качестве реальных их тиражирование не является самоцелью дискурса и фактически не создает какого-либо социального порядка, отражающего идейное содержание восприятия России. Совокупность конструируемых мифов обретает значение исключительно в ходе их артикуляции вместе с узловыми точками общего политического дискурса, имеющего явную идеологическую направленность. Содержание дискурса варьируется от конструирования мифа исключительно вокруг конкретного события и формирования общего политико-идеологического восприятия России. Восприятие России играет наиболее значимую роль именно в конструировании ее образа как «Другого» по отношению к государствам региона.

Так, именно отделение от социалистического авторитарного прошлого и его преодоление государствами ЦВЕ стало одной из основ для формирования нового варианта собственной национальной идентичности, что способствовало их интеграции в европейские и евроатлантические структуры. При этом в условиях дедемократизации (или как минимум на фоне замедления демократического перехода и неспособности достигнуть уровня демократического развития западных государств) в самих Польше, Чехии, Словакии и Венгрии обращение к авторитаризму в России становится практически единственной возможностью усиления антагонизма посредством дискурса. Это особенно актуально в контексте кризиса в отношениях с Россией. Соответствующий дискурс служит не только его легитимации, но и «встраиванию» конфликта – как прошлого, так и настоящего – в дискурс, формирующий национальную идентичность государств ЦВЕ на современном этапе.

Примечательно, что более прагматичный – в сравнении с другими европейскими государствами – подход Венгрии и Словакии к отношениям с Россией играет определенную роль в конструировании ее негативного образа, однако все же незначительную. Фактически в этих государствах артикулируется схожий дискурс, однако используется прием опосредования мнения местных политиков и экспертов через обращения к дискурсу представителей других государств или международных организаций. Иными словами, хотя внутри региона и можно наблюдать различие подходов к отношениям с Россией в рамках двустороннего взаимодействия, на интерпретацию российских электоральных процессов данные различия не оказывают существенного влияния. Это может быть связано, в частности, с тем, что для государств ЦВЕ характерен неполный демократический переход с сохранением внутренних вызовов демократическим режимам, включая рост популизма, распространение правых идеологий, регулярное возникновение протестных движений, правительственных и политических кризисов. Подобные несовершенства демократического строя распространены в республиках Центральной и Восточной Европы: от покушений на политиков в Словакии и Чехии до ограничения свободы слова в Польше и Венгрии.

Так, истинная конфликтность отношений между Россией и Западом создает возможности для поддержания дискурсивной дихотомии «мы – Другой» уже по отношению к современной России и для мобилизации общества на поддержку правительств ЦВЕ, в том числе посредством секьюритизации внешней угрозы

в виде России. Поскольку основным адресатом дискурса о российских выборах выступает именно внутренняя аудитория соответствующих государств (так как коммуникация осуществляется на национальных языках и по внутригосударственным каналам информационного вещания), подобный дискурс не может служить интересам и целям исключительно внешней политики. Кроме того, он также способствует отвлечению общественного и медийного внимания от проблем демократического развития самих государств ЦВЕ.

Заключение

Российские электоральные процессы 2024 г. играли значимую роль в медийном, экспертном и политическом дискурсе государств ЦВЕ: Польши, Венгрии, Словакии и Чехии. Подобный дискурс, в большей степени затрагивающий внутреннюю политику России и не связанный с европейской региональной или субрегиональной проблематикой, служил внутривнутриполитическим целям указанных государств. С одной стороны, российские выборы 2024 г. были использованы в целях легитимации кризиса в отношениях между Россией и Западом для внутренней аудитории. С другой стороны, и это кажется более значимым, конструирование образа России как «Другого» было направлено на укрепление национальной идентичности государств ЦВЕ. Это выражалось в создании образа России как авторитарного государства.

Дискурс государств ЦВЕ о президентских выборах в России 2024 г. демонстрирует, каким образом внешние по отношению к группе государств вопросы (внутренние дела другого государства) могут способствовать конструированию альтернативной социальной реальности и национальной идентичности.

В более широком контексте накопления современного политического знания выводы по рассмотренному авторами вопросу показывают, что использование внешнеполитической повестки может иметь исключительно внутривнутриполитическое измерение. Кроме того, на этом примере очевидно, как обращение к образу «Другого» в целях и в рамках построения собственной идентичности позволяет на дискурсивном уровне компенсировать ее недостатки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гетман, М.А. Криминализация коммунизма в политике памяти Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 80–88. <https://doi.org/10.17223/19988613/67/11>.

Getman, Margarita A. "Criminalization of Communism in European Union's Supranational Remembrance Policy." *Tomsk State University Review. History*, no. 67 (2020): 80–88 [In Russian].

Ильин, Е.Ю. Концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 77–85. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-2-41-77-85>.

Il'in, Evgeniy Yu. "The Concept of Greater Europe from Lisbon to Vladivostok: Problems and Perspectives." *MGI MO Review of International Relations*, no. 2 (2015): 77–85 [In Russian].

Миллер, А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. 2016. № 1. С. 111–121. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121>.

Miller, Alexei I. "Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kulturu pamyati." *Politiya*, no. 1 (2016): 111–121 [In Russian].

Assmann, Aleida. *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*. New York: Fordham University Press, 2015.

Barton Hronešová, Jessie. "The Uses of Victimhood as a Hegemonic Meta-Narrative in Eastern Europe." *Journal of Contemporary European Studies* 32, no. 2 (2024): 442–458. <https://doi.org/10.1080/14782804.2022.2110456>.

Börzel, Tanja. "When Europe Hits... Beyond Its Borders: Europeanization and the Near Abroad." *Comparative European Politics* 9, no. 4 (2011): 394–413. <https://doi.org/10.1057/cep.2011.8>.

Duchesne, Sophie, and André-Paul Frogner. "Is There a European Identity?" In *Public Opinion and Internationalized Governance*, edited by Oskar Niedermayer, and Richard Sinnott, 193–226. New York: Oxford University Press, 1998.

Guasti, Petra. "The Impact of the COVID-19 Pandemic in Central and Eastern Europe: The Rise of Autocracy and Democratic Resilience." *Democratic Theory* 7, no. 2 (2020a): 47–60. <https://doi.org/10.3167/dt.2020.070207>.

Guasti, Petra. "Populism in Power and Democracy: Democratic Decay and Resilience in the Czech Republic (2013–2020)." *Politics and Governance* 8, no. 4 (2020b): 473–484. <https://doi.org/10.17645/pag.v8i4.3420>.

Györy, Csaba, and Nyasha Weinberg. "Emergency Powers in a Hybrid Regime: the Case of Hungary." *The Theory and Practice of Legislation* 8, no. 3 (2020): 329–353. <https://doi.org/10.1080/20508840.2020.1838755>.

Joenniemi, Pertti. "Towards a European Union of Post-Security?" *Cooperation and Conflict* 42, no. 1 (2007): 127–148. <https://doi.org/10.1177/0010836707073479>.

Judt, Tony. *Postwar: A History of Europe Since 1945*. New York: Penguin Press, 2005.

Laclau, Ernesto, and Chantal Mouffe. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso Books, 2001.

Laclau, Ernesto. *New Reflections on the Revolution of Our Time*. London: Verso, 1990.

Laclau, Ernesto. "Subject of Politics, Politics of the Subject." *Differences*, no. 1 (1994): 9–25. <https://doi.org/10.1515/9780824863197-025>.

Raik, Kristi. "Liberalism and Geopolitics in EU–Russia Relations: Rereading the 'Baltic Factor'." *European Security*, no. 2 (2016): 237–255. <https://doi.org/10.1080/09662839.2016.1179628>.

Sedelmeier, Ulrich. "EU Enlargement, Identity and the Analysis of European Foreign Policy: Identity Formation Through Policy Practice." *EUI-RSCAS Working Papers*, no. 13 (2003).

Snyder, Timothy. *Bloodlands. Europe Between Hitler and Stalin*. New York: Basic Books, 2010.

Stråth, Bo. "European Identity: To the Historical Limits of a Concept." *European Journal of Social Theory* 5, no. 4 (2002): 387–401.

Wintle, Michael. "The Question of European Identity and the Impact of the Changes of 1989/90." In *The Idea of a United Europe: Political, Economic and Cultural Integration Since the Fall of the Berlin Wall*, edited by Jamal Shahin, and Michael Wintle, 11–30. London: Palgrave Macmillan, 2000.

Сведения об авторах

Варвара Александровна Гацковская,

стажер-исследователь, Центр комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

101000, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

e-mail: vgatskovskaya@hse.ru

Дмитрий Михайлович Курбатов,

аналитик ИМИ МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

e-mail: d.kurbatov@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 15 июля 2025.

Переработана: 23 октября 2025.

Принята к публикации: 26 октября 2025.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Гацковская, В.А., Курбатов, Д.М. Дискурс о выборах в России 2024 г. в государствах Центральной и Восточной Европы в контексте конструирования национальной идентичности // *Международная аналитика*. 2025. Том 16 (4). С. 158–170.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-158-170>

The Discourse on the 2024 Russian Elections in Central and Eastern European States in the Context of National Identity Construction

ABSTRACT

The article analyzes the political discourse (including expert and media discourse) in post-socialist Central and Eastern European countries regarding the 2024 Russian presidential election.

The authors consider the discourse on Russian electoral processes as a tool for constructing European identity based on the “friend-foe” divide. The study aims to identify the influence of domestic political processes in Russia on the self-identification of the countries of “new” Europe in comparison with the Russian Federation as a significant “Other,” which Central and Eastern European countries resort to in the course of national identity construction. This process is viewed as a cornerstone for binding the “European” identity of Central and Eastern European countries with their transition from socialist past. The latter, in turn, is associated with a discursive separation from Russia and the transformation of the image of the “foreign” into the image of the “enemy,” both in regard to their history and the current crisis in Russo-Western relations. Upon conducting discourse and comparative analyses, it is concluded that the very contraposition of European “democracy” and Russian “authoritarianism” serves not only to construct enemy images in the Central and Eastern European states, but also to assert their own European identity. Foreign policy issues, however, do not play a defining role, and if they are articulated in discourse, they are related neither to relations with European states nor with the European Union.

KEYWORDS

identity, political discourse, Russia-EU relations, electoral processes in Russia, democracy issues

Authors

Varvara A. Gatskovskaya,

Research Fellow at the Center for International and Regional, HSE University
17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russian Federation, 119017

e-mail: vgatskovskaya@hse.ru

Dmitry M. Kurbatov,

Analyst, Institute for International Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: d.kurbatov@inno.mgimo.ru

Additional information

Received: July 15, 2025. Revised: October 23, 2025. Accepted: October 26, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Gatskovskaya, Varvara A., and Dmitry M. Kurbatov “The Discourse on the 2024 Russian Elections in Central and Eastern European States in the Context of National Identity Construction.” *Journal of International Analytics* 16, no. 4 (2025): 158–170.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-158-170>